

ВОЗМОЖНА ЛИ РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

Шеметов Г.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра философии, биоэтики и культурологии, г. Екатеринбург

Резюме. В статье исследованы различия в способах проявления и интерпретации любовного чувства в современном обществе на основе социально-философских и психоаналитических концепций

Ключевые слова: романтическая любовь, желание, гендерная идентичность, интеракционизм, эмансипация, рационализм, трансформация интимности

IS ROMANTIC LOVE POSSIBLE IN THE MODERN WORLD?

Shemetov G.A.

Federal state budgetary educational institution of higher education Ural state medical University of the Ministry of health of the Russian Federation, Department of Philosophy, Bioethics and Cultures, Yekaterinburg

Summary. The article explores the differences in the ways of manifestation and interpretation of love feelings in modern society based on socio-philosophical and psychoanalytic concepts

Key Words: romantic love, desire, gender identity, interactionism, emancipation, rationalism, transformation of intimacy

Введение

Проблема описания психической жизни личности носит междисциплинарный характер и опирается на широкий спектр исследований не только в области психологии и психоанализа, но также социальной философии и культурологии. Осуществляя проекцию душевных переживаний человека на символическую сферу культуры, с одной стороны, и анализируя внутренний опыт в качестве эффекта социального конструирования, с другой стороны, мы получаем возможность лучше понять диалектические переходы и специфику отношений между ними. Вместе с

тем, опираясь на сделанные выводы, вполне оправданным представляется выход в область прагматики, то есть, предложение тех или иных программ преобразования, развития и совершенствования общественных институтов для того, чтобы они лучше соответствовали своим функциональным задачам. В данном случае, речь идёт о создании условий для комфортного и творческого развития человеческой личности посредством переживания опыта любви.

Цель работы: Изучить феноменологические особенности манифестации любовных переживаний индивидов в современном обществе, раскрыть их психологическую динамику в связи с трансформациями общественной жизни, культуры и гендерной политики, а также выявить противоречия и возможности соотношения концепций романтической любви и любви-слияния.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составляют аналитико-синтетический, системный и описательный методы, они позволяют исследовать сложную динамику отношений между социальными процессами и структурами человеческой психики, а также проанализировать внутренние противоречия, присущие различным концепциям любви, которые сложились в истории культуры. В качестве материалов исследования были использованы работы современных социальных философов и психоаналитиков по избранной теме.

Результаты исследования и обсуждение

Одиночество может быть следствием избыточной эмоциональной чувствительности. Некоторые люди остаются одни не потому, что равнодушны к любовным отношениям, а, скорее, потому, что придают им слишком большое значение или акцентированное внимание. Они тонко переживают различные оттенки собственной (и, вероятно, чужой) субъективности, поэтому опасаются их девальвации. Мы можем испытывать страх перед лицом событий, контекстов повседневности или собственной биологической организации, которые угрожают разрушением, ускользанием и тривиализацией любви, а потому избегаем её поиска. Любви как случайного, удивительного, уникального и травмирующего события, которое сложно описать с помощью рационалистических или детерминистских схем и которое не сводится к социальным обязательствам, моральному долженствованию или вульгарным физиологическим потребностям, хотя и включает эти факторы в собственные определения.

Пожалуй, мы любим в этой, конкретной девушке совсем другую девушку как навсегда утраченную нехватку самотождественности, хотя часто не признаёмся в этом самим себе (и, тем более, девушке, хотя с легкостью причиняем ей боль другими способами, часто не осознавая данного обстоятельства). Разумеется, будучи политическими противниками любых форм сексизма, эссенциализма и гендерной асимметрии, мы с необходимостью допускаем обратное утверждение, при этом феноменологическое наполнение женских любовных устремлений может обладать специфическими особенностями. А именно: эта девушка не любит меня или, скорее, она любит меня лишь иногда, с той или иной степенью интенсивности, или же она любит случайные комбинации из фрагментов моего образа, или она любит другого внутри меня – и это наиболее вероятный сценарий, как отмечает современный исследователь психоанализа М. Долар [1]. То же самое касается однополых отношений. Впрочем, можно было бы сделать ещё один шаг и отвергнуть логику сексуального / гендерного бинаризма как такового. В этом случае горизонты чувствительности каждого индивида будут настолько разнообразны и вариативны, что мы, следуя логике постструктуралистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, сможем использовать какой-либо дискурс для их описания только с изрядной долей условности, конвенциональности и конструктивности [2].

Романтическая концепция любви, пересекающаяся с приведенной выше интерпретацией желания в терминах нехватки, на которую опирался представитель структурного психоанализа Ж. Лакан [3], может рассматриваться как один из инструментов гендерной политики и взаимного психологического насилия. Проблема лишь в том, что многие из нас не могут и, пожалуй, не хотят отказываться от опыта страдания, с которым ассоциируется любовь: этот опыт необходим для нас, по крайней мере, как побуждающий мотив творчества и жизненной самореализации. В мире, где умирает любовь как болезненная иллюзия, становится настолько тоскливо и невыносимо, что всё вокруг провоцирует отчуждение и обесмысливается – вспоминая знаменитый фильм К. Муратовой, можно было бы сказать, что «астенический синдром» парализует нашу активность.

И здесь возникают самые интересные, печальные, хотя и вполне тривиальные наблюдения. Например, при всём политическом недоверии к консюмеристскому и буржуазному обществу, к его массовой культуре, а также изощренным системам манипуляции и контроля, нельзя не признать, что именно оно фабрикует любов-

ные иллюзии, мультиплицированные в виртуальных образах, которые придают нам силы жить дальше. Другой вопрос заключается в том, что очень часто эти образы бывают слишком примитивны или навязчивы, так что, скорее, подавляют нас или вызывают реакцию отторжения – но, вероятно, речь идёт о несовершенстве используемых социальных технологий и качестве их исполнения. Иногда мы видим пары женщин и мужчин, которые удивляют нас своей внешней эстетической дисгармонией. Что эта симпатичная девушка нашла в грубом, некрасивом и простом мужчине (и наоборот), почему она холодна ко мне, ведь я визуально привлекательнее или, по крайней мере, умнее и деликатнее её друга / мужа? Мы задаемся такими вопросами, на которые нельзя найти ответа. А всё дело в том, что любовное чувство подчиняется избирательной и неverifiedируемой логике. Случайные и фетишизированные элементы одежды, смех, интонации голоса, язык или часто используемые слова, стиль и манера выражать свои мысли, особенности поведения в различных ситуациях и, в первую очередь, обонятельные восприятия во всех едва уловимых квазиестественных и синтезированных проявлениях могут иметь решающее значение в пробуждении бессознательных импульсов и актуализации любовного воображения. Вероятность того, что это чувство будет взаимным, достаточно невелика.

В противоположном, более распространенном случае мы обречены на бесконечные стратегии взаимного обмана и самообмана. Брак на основе прагматического интереса, бытовая и сексуальная (со)зависимость; регрессивные проекции, основанные на чувстве собственной уязвимости; отчаянные попытки убедить себя в том, что мы (всё ещё) любим друг друга, хотя это не так – очень распространённые явления в нашей жизни. Конечно же, можно попытаться разыграть любовь в спектакулярных практиках неузнавания, но это требует слишком больших усилий и театрализации жизненного мира. Противоречие заключается в том, что если близкий человек утратил для нас интерес, то вряд ли мы будем конструировать новые роли и идентичности для того, чтобы восстановить его. Скорее, мы готовы играть только тогда, когда равнодушны друг к другу.

Выводы:

Формулируя общеметодологические, а также прагматические выводы, стоило бы задаться следующими вопросами: насколько сопоставима романтическая концепция любви с характеристиками человеческого желания, описанного в терминах не-

хватки и самоотрицания? Является ли его структура неизменной и биологически детерминированной, либо она исторична, обладает признаками нарративности и производна от определенного типа общества? Можно ли рассматривать систему позднего капитализма, предполагающую имманентные, изошренные, неочевидные технологии манипулирования человеческой телесностью и воображением, а также практики взаимного отчуждения и самоотчуждения как инструмент симуляции и эксплуатации нашей потребности в любовных отношениях? И должны ли мы бороться с этой эмоциональной фальшью, противопоставляя ей дискурс эгалитарности, трансцендентального долга или рациональной конвенции, если симуляция и неузнавание являются конститутивными для нашей идентичности и самоощущения, по крайней мере, в данный момент истории? Используя терминологию Ж. Бодрийера [4], имеет ли смысл противопоставлять игровой вселенной соблазна стратегию производства и фундаментализм истины, которая оставляет нас наедине с экзистенциальной пустотой или холодным высокомерием разума?

Представляется, что ответы на эти вопросы будут различными в зависимости от мировоззренческих характеристик авторов, которые примутся их формулировать, а также от определенных аспектов «бесконечномерной» структуры человека, которая станет предметом их теоретического внимания. Нам бы хотелось предложить собственную версию решения данной проблемы. Люди и их гендерная идентификация пластичны, сущность человека конструктивна, меняется в пространстве и времени, а сфера желаний, аффектов и эмоций зависит от системы общественных отношений, что детально исследовано в творчестве неомарксистов и, в частности, представителей Франкфуртской школы социальных исследований, гуманистического психоанализа [5]. Это означает, что мы должны расценивать любую эмоциональную привязанность как открытую и нестабильную, но также признавать ее в качестве события, самоценного и не нуждающегося в каких-либо оправданиях, а также в качестве основания для переоткрытия самих себя. Она свидетельствует о многообразии социальных диспозиций и властных кодов, которые переплетаются с нашей биологической природой, изменяя ее и изменяясь наряду с ней.

Таким образом, задача человека состоит в том, чтобы найти версии intersubъективного опыта, которые окажутся наиболее продуктивными с точки зрения индивидуального (со)творчества посредством установления границ для самого себя и Другого. При этом необходимо понимать, что границы не могут быть установлены

заранее, они имеют значение только в режиме собственного преодоления. Иными словами, актуализация любви возможна лишь через стремление к взаимопониманию, которое не может и не должно быть окончательным, а также не определяется а priori. Это жест, проявляющий себя через эмпатию, нежность, осторожность и внимательность, которые, тем не менее, ускользают от какой-либо полноты, навязчивости, избыточной самоуверенности, ритуализации или искусственности. И, конечно же, это жест, обращенный к самому себе, к тому, который определяется посредством Другого и обретает свое я в интеракционистском зеркале чужого сознания. По всей видимости, процессуальность этого сложного, нелинейного и негарантированного движения дает шанс на реабилитацию романтической любви в обществе, где усиливаются тенденции к эмансипации, рационализации и личностной автономии в смысле Э. Гидденса [6].

С одной стороны, любовь-слияние, часто рассматриваемая в качестве противоположности феномену романтической любви, приводит к разрушению гендерных оппозиций и разоблачению замаскированной эмоциональной зависимости. Данное обстоятельство, например, позволяет мужчинам ситуативно становиться ранимыми в той же степени, в какой женщинам – автономными и уверенными в себе. Речь идёт об активной, неожиданной любви, а поэтому она находится в дисгармонии с такими качествами комплекса романтической любви, как «навсегда» и «только ты». Но, с другой стороны, именно потому, что «ты» и «я» больше не существуют как замкнутые и самотождественные образования, а любовь приобретает качество негарантированности, ее эмоциональная значимость и экспериментальный статус многократно возрастают, что парадоксальным образом возвращает нас к базовым определениям романтического мироощущения. Здесь любовь определяется как возможность, мыслимая в качестве таковой через проблематизацию самой себя, но именно по этой причине обретающая интенсивность, экзистенциальную значимость, драматизм и возвышенность.

Список литературы

1. *Долар М. С первого взгляда / М. Долар, М. Божович, А. Зупанчич // Истории любви. Лакан и Спиноза. – СПб., – 2005.*
2. *Делез Ж. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. / Ж. Делез, Ф. Гваттари // СПб., – 2010.*

3. *Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию «Я» // Лакан Ж. "Я" в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары. Книга 2. – 1954-1955. – М., – 2009.
4. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. – М., – 2000.
5. *Фромм Э.* Искусство любить. – М., – 2018.
6. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., – 2004.